ЗИГМУНТ АБРАГАМОВИЧ

(Польша, Краков)

СТАРАЯ ТУРЕЦКАЯ КАРТА УКРАИНЫ С ПЛАНОМ ВЗРЫВА ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ И АТАКИ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА НА КИЕВ*

I

1. Лев Семенович Багров, ученый русского происхождения, заслуженный исследователь истории картографии и основатель посвященного ее проблемам журнала под названием «Imago Mundi» («Изображение мира»)[1], во время поездки летом 1954 г. из Стокгольма в Стамбул нашел среди многих карт, хранящихся в библиотеке султанского дворца Топкапы[2], одну чрезвычайно интересную и ценную старую турецкую карту Украины.

Прежде чем заняться этой картой, необходимо изложить всю историю ее изучения, характерную тем, что ее толковали по-разному, но во всех случаях решительно неверно.

2. Сотрудница библиотеки дворца Топкапы Саджиде Эргюден, показавшая эту карту Л. Багрову, пояснила ее как карту Крыма XVI в. Л. Багров, не зная турецкого языка и, следовательно, говоря его же словами, не имея возможности самому оценить эту карту и точно разобраться в том, что́ она представляет, достал ее фотокопию для своего стокгольмского друга, капитана Харальда Кёхлина, как раз в то время готовившего для «Imago Mundi» статью о ранних картах Крыма[3].

3. Профессор Х. С. Ниберг, знаменитый уппсальский востоковед, к которому обратился Х. Кёхлин за пояснением турецких надписей на этой карте, будучи специалистом в другой области наук о Востоке, предупредил Х. Кёхлина, что данный им перевод этих надписей ненадежен.

Он думал, что надписи при крепостях, «по-видимому, не названия их, так как все они содержат турецкое слово «ka'iyé» (речь идет об арабском слове *ḳal'e* 'крепость' с суффиксом турецкого дательного падежа *ḳal'e-ye* 'в крепость'). Надпись при «самой меньшей» крепости, а именно при второй крепости от правого края карты, Х. С. Ниберг прочел *ḳa'iyé merkez girmen* и перевел: «вход в центр *ḳa'iyé*».

Надпись в шесть строк в нижней части карты была им переведена следующим образом:

«Смиренный человек кладет сим у ног султан-хана тщательно сделанное изображение; если моему султану понадобится, камни этой реки были созданы в день Нимрода (!) (т. е. они очень древни). Да будет этого смиренного человека [изображение?], сделанное таким образом, представлено к королевскому престолу. Пусть ваши судна (?)... не доходят [до]... — Ваш слуга Кулакути Мурали Ильяс (=Эльяс)».

Ошибочное написание слова *ḳal'e* в приведенных выше транскрип-

циях можно объяснить тем, что оно находится в труде невостоковеда Х. Кёхлина, который мог исказить его сам.

4. Х. Кёхлин заметил, что эта карта «изображает атаку с моря на четыре укрепленные точки, находящиеся одна вблизи другой в дельте какой-то реки». Готовя работу о нескольких старых картах не только Крыма, но и Азовского моря и не видя в этой турецкой карте никакого сходства ни с одним участком берега Крымского полуострова, Х. Кёхлин, руководясь, вероятно, некоторым подобием между стамбульской картой и частью дельты Дона на одной шведской карте XVIII в., издал карту, найденную Л. Багровым, с надписью: «Рукописная турецкая карта района Азова (?)»[4].

Нерешительность Х. Кёхлина (вопросительный знак) вполне понятна. Крепость Азов лежала на левом берегу Дона, в то время как большая крепость у устья реки в центре турецкой карты изображена на правом берегу этой реки. Кроме того, выше Азова не было в прошлом такого громадного города и крепости, как у правого конца данной турецкой карты.

II

1. Отнести данную карту к Крыму можно было разве на основании того, что в надписях при большой и малой крепостях у правого края карты имеется слово كرمن.

В надписи при меньшей крепости у правого края карты именно это слово читал Х. С. Ниберг — *girmen*. Слово это состоит из букв *krmn*. Букву *k* в турецких текстах можно читать и *k* и *g*, а буквы كر напоминают написанную без ـ *y*, т. е. *i*, турецкую глагольную основу *gir* 'входить'. Это и привело к неверному чтению слова *girmen* и толкованию его как 'вход'[5].

Во дворце Топкапы это слово читали, вероятно, *kermen ~ kerman*. Это старое болгарско-тюркское слово, которое обозначает 'крепость' или 'город', в основном чуждо тюркским языкам огузской группы, к которой принадлежит и османско-турецкий. Оно сохранилось главным образом в языках кыпчакской группы, в том числе и в «татарских» языках: казанском и крымском[6]. Оно известно также как второй компонент многих географических названий в Крыму, например, *In-kerman* Инкерман ('Пещерный город') или *Tepe-kerman* Тепекерман ('Крепость-город на холме') — оба вблизи Бахчисарая[7]. Должно быть, вследствие этого и пришла С. Эргюден к убеждению, что карта, два пункта на которой обозначены названием, в состав которого входит «татарское» слово *kermen~kerman*, относится к Крыму. Слово это известно, однако, и в топонимах других районов. Стоит упомянуть общеизвестный *Aḳ-kermen~Aḳ-kerman* Аккерман ('Бел-город'), т. е. Белгород-Днестровский.

Слово *kermen~kerman* в турецких текстах писалось обычно كرمان. Написание его на этой карте, без буквенного обозначения гласного во втором слоге, характерно для ранней стадии османского языка. Это можно признать первым архаизмом языка надписей на этой карте[8].

2. Надпись под меньшей крепостью в правом краю карты, которую Х. С. Ниберг читал *ka'iyé merkez girmen*, должна была бы в начале второго слова содержать круглую, закрытую букву ـم *м*. На карте надпись эта выглядит так: قليعه حركز كرمن. Здесь не ـم *м*, а ـح *ḥ*.

Зная, что كرمن *kermen~kerman* бывает вторым компонентом татарских топонимов, можем и здесь группу слов حركز كرمن считать назва-

нием данного города-крепости. Со словом حركز — не *merkez* 'центр', а каким-то *ḥrkz* — смысла здесь нет. В рукописях часто бывают пропущены диакритические знаки при отдельных буквах. Так обстоит дело и здесь. Буква ح *ḥ* с одним знаком превратилась бы в ج *c*, с тремя же точками под ней — в چ *ç*. Слово جركز *crkz* читалось бы *cerkez*; چركز *çrkz* читалось бы *çerkez* (впрочем, и جركز *crkz* можно читать *çerkez*, так как в рукописях очень часто ставится одна точка вместо трех, т. е. пишется ج *c* и там, где слышно چ *ç*). چركز *çerkez* — редкая, но в Турции и до сих пор известная и употребляемая форма слова *çerkes* 'черкес', 'черкесский'. То же самое значило бы и جركز *cerkez*[9].

Слова جركز كرمن *Cerkez-kermen* или چركز كرمن *Çerkez-kermen* (или *Cerkez-kerman*, *Çerkez-kerman*), т. е. буквально 'Черкес-крепость' или 'Черкес-город', можно считать редкой или старой записью известного еще в XVIII в. тюркского названия г. Черкасска на Дону — *Çerkes-kerman*[10]. Так как эту карту нельзя приурочить к «району Азова», то следует, однако, принять, что здесь речь идет об украинском городе Черкассы на правом берегу Днепра. В грамотах турецких султанов XVI в. польским королям Черкассы всегда именуются *Çerkez-kerman* چركز كرمان[11].

Первое слово в этой надписи, за которым идет двухчленное название г. Черкасс, нельзя читать *ka'iyé* (т. е. *ḳal'e-ye*) 'в крепость'. Здесь написано *ḳali'e*. Это слово надо считать неграмотной фонетической записью слова قلعه *ḳal'e* 'крепость' в персидской изафетной конструкции с последующим за ним именем собственным, т. е. *ḳal'e-yi* 'крепость...' (такая изафетная форма пишется قلعه‌ی или, без знака изафета, просто قلعه).

Частично неправильно начертанную надпись قليعه حركز كرمن следует, таким образом, читать в целом *ḳal'e-yi Cerkez-kerman* или *ḳal'e-yi Çerkez-kerman* и толковать 'крепость Черкассы'.

3. Под большой крепостью в правом краю карты написано: قليعه من كرمن. После ошибочно написанного *ḳal'e-yi* 'крепость...' здесь имеется опять двучленное название этой местности, второй компонент которого — *kermen~kerman*. При учете, что كرمن — редкая, старая форма слова, чаще всего писавшегося كرمان, не вызовет удивления и второй архаизм — написание من вместо مان. من كرمن (писавшееся в турецких грамотах обычно مان كرمان *Men-kermen ~ Man-kerman*), дословно 'Большой город'— эпитет-название, которым монголы и тюркские племена издавна называли Киев.

В грамотах турецких султанов польским королям это старое тюркское название встречается еще в конце XVI в.[12], хотя в 1556 г. там же появляется и транскрипция подлинного названия Киева[13].

Таким образом, всю надпись у Киева следует читать: *ḳal'e-yi Men-kermen~ḳal'e-yi Man-kerman* и толковать 'крепость Киев'.

4. Большая река в центре карты — конечно, Днепр. Вызывает удивление довольно необыкновенное изображение его течения в виде идеально прямой линии.

5. Извилистая река, вливающаяся в Днепр с левой стороны, немного выше Киева,— конечно, Десна — северная граница литовско-польских владений на левобережной Украине до половины XVII в.

6. Крепость в углу между Десной и Днепром, у самого левого, т. е. литовско-польского, берега Десны обозначена надписью قليعه زبلى

или же زیلی قلیعه. После фонетически записанного *ḳal'e-yi* 'крепость...', там, где следовало бы ожидать названия местности, читаются буквы *zbly* или *zyly*, которые не дают никакого чтения.

По данным исторической географии можно, однако, установить, что эта крепость — Остер. Расположенный в 60 *км* от Киева и всего в 2 *км* от Десны, над ее правым притоком Остером, город этот играл значительную роль в системе защиты польско-литовской границы с Московским государством. Он являлся также важным пунктом на пути из Киева в Чернигов и Москву, которым ездили и посольства, и купеческие караваны из Москвы в Турцию и обратно [14]. В том, что это Остер, убеждает нас и сеть дорог вокруг этого города-крепости, особенно дорога из Киева берегом Десны, которую находим на картах XVIII в. и на которой Остер являлся единственным достойным внимания пунктом [15].

Во время польско-литовского господства на Украине Остер входил в состав не только Киевского воеводства, но и Киевской волости (повята) и вообще состоял в очень тесной связи с Киевом. Возможно, что надпись при нем следует читать زیلی قلیعه, усматривая в первом слове не написанное с ошибкой *ḳal'e-yi* 'крепость...', а (тоже неточно написанное) *ḳal'e*; тогда, читая второе слово как *zeyli* (форма турецкого изафета от араб. *zeyl* 'добавление'), мы получим надпись: *ḳal'e zeyli* в значении 'добавление к крепости', именно к «главной» крепости — киевской. Выражение *ḳal'e zeyli* — возможно, перевод термина «пригород», так как Остер мог считаться пригородом Киева, подобно тому как раньше он был пригородом Переяславля [16]. Все же такое толкование надписи при Остере несколько сомнительно, так как во всех других случаях слово قلیعه на этой карте читается *ḳal'e-yi* и после него стоит топоним. Возможно, что и здесь все-таки какое-то название Остера, хотя его нельзя объяснить ни как транскрипцию, ни как тюркский эквивалент (кальку) известного славянского названия этого города.

7. Большая крепость на правом берегу Днепра, у самого лимана,— конечно Очаков. На мусульманских владетелей ее указывает и мечеть с минаретиком (она уже вне крепости). Сомнений насчет того, какая здесь крепость, быть не может. Необыкновенно только ее название на данной карте.

Турки называли крепость Очаков *Özi ḳal'esi* или *Özü ḳal'esi* 'Днепровская крепость' от *Özi* ~ *Özü* — тюркского названия Днепра [17]. У татар Днепр назывался так же, как и у турок, но для Очакова у них было другое название: *Can-kerman* (جان کرمان или جانکرمان). Татарское название Очакова значит 'Новая крепость' или 'Нов-город' [18].

На нашей карте посередине площади очаковской крепости можно прочитать что-то вроде سوایه بکی قلیعه *ḳal'e-yi b*[*e?*]*-ki svāya*, что, однако, лишено смысла. Надпись эту следует читать سرای یکی قلیعه *ḳal'e-yi Yeng-sarāy* 'крепость Новый дворец'. Слово *sarāy* 'дворец' известно как второй компонент названий местностей в Крыму — резиденций членов ханской династии (например, *Bāġçe-sarāyi* 'Багчесарай'— столица Крымского ханства). Следовательно, хотя *sarāy* 'дворец' и не вполне равнозначно крымскому *kerman* 'крепость', 'город', тем не менее на основании семантического тождества крымского *can* 'новый' и османского *yengi* 'новый' мы вправе считать название Очакова на этой карте *Yengi-sarāy* 'Новый дворец' подражанием крымскому названию *Can-kerman* 'Новая крепость' или 'Нов-город'.

Османско-турецкое название Очакова *Yengi-sarāy* в других памятниках, кроме этой карты, насколько мне известно, не встречается. Это можно объяснить двояко. Название Очакова *Yengi-sarāy* мог придумать

сам автор этой карты для пояснения туркам-османам, которым он и предназначал свой чертеж, татарского названия *Can-kerman* как непонятного им и могущего поэтому вызвать недоразумение (крымское *can* 'новый', туркам чуждое, напоминает общеизвестное персидское *cān* 'душа'; название *Can-kerman* вызвало бы, таким образом, абсурдное толкование как 'Душа-крепость' или 'Душа-город' [19]). Возможно также, и это кажется даже более вероятным, что название Очакова *Yeng-i-sarāy* на этой карте является точным переводом, просто калькой, неизвестного из источников другого татарского названия этого города, который тоже мог считаться резиденцией хана или крымских султанов вне пределов Крыма и который вследствие этого мог сперва называться у татар *Can-sarāy* 'Новый дворец', 'Новый Сарай' (в противоположность другим, старым местностям, называвшимся Сарай), причем впоследствии это название было либо вытеснено, либо заменено названием *Can-kerman* 'Новая крепость', 'Нов-город' [20].

8. В верхней части карты нарисована большая река. Она шире Десны, но вдвое у́же Днепра. Ось течения ее параллельна Днепру, но она течет, подобно Десне, извилисто. Вливается она прямо в Черное море. Рекой этой может быть только Днестр.

9. На полпути между Днепровским лиманом и устьем Днестра, несколько «вправо» (т. е. к северу) от этой дороги, но все же недалеко от морского берега, читается надпись قليعه يابو *ḳal'e-yi Yabu* 'крепость Ябу'. Здесь изображен татарский «Ябу-городок», как он назван в русском переводе несохранившегося ярлыка хана Менгли-Гирея I от пятницы 21 сафара 913/2 июля 1507 г. королю Сигизмунду I, которым хан «уступает» королю обширные земли и многие города, бывшие когда-то под властью Золотой Орды, а в их числе и Ябу-городок. Перевод этого ярлыка был до сих пор единственным источником, в котором упоминалось это татарское укрепление [21].

Этот городок обращает на себя внимание своим видом — не таким, как у других крепостей на этой карте.

10. На правом берегу Днепра между Очаковым и Черкассами возвышается одинокое большое здание. Окна и дверь его обращены к Днепру, а дорогами оно соединено и с мусульманским Очаковом, и с христианскими городами — Черкассами и Киевом. Что́ это за здание, можно установить, заметив, что к нему идет еще одна дорога из нижнего левого угла карты, т. е. с юго-востока — из Крыма. Дорога эта кончается у левого берега Днепра. Здесь, наверное, и перевоз через Днепр.

Перевоз этот — несомненно Тавань, а дом на правом берегу Днепра, должно быть, мытница, или укрепление, возможно, еще литовско-польское. На ее месте потом была построена татарами крепостца *Ġāzī-kermen* — «Кизикермень» русских источников.

11. Отметим и другие пути на левобережной Украине:

а) дорога из Крыма к Днепровскому лиману (она здесь прерывается);

б) дорога из Крыма прямо в Очаков;

в) дорога из Крыма в Остер (ответвления «шляхов» татарских походов на Московское государство) и оттуда две дороги в Киев;

г) путь из Остера в Московское государство.

12. На правобережной Украине отмечены следующие пути:

а) путь из-за Днестра морским берегом в Крым, продолжением которого является дорога на левом берегу Днепра;

б) другая дорога из-за Днестра в Очаков: судя по ее характерному изгибу, это известный Валашский шлях, по которому ходили на Украину буджакские татары;

в) две дороги из Киева в Остер;

г) путь из Киева в Черкассы и оттуда в Тавань и Очаков;

д) путь из Киева в неназванный город к северу от Днестра (в правом верхнем углу карты);

е) путь из последнего города в другой неназванный город на Днестре, в направлении к востоку, а оттуда в третий неназванный город в центре карты;

ж) путь из Киева в последний город, а из него к большой дороге из-за Днестра в Очаков;

з) длинный путь от берега Черного моря прямо в Киев;

и) коротенькая дорога от моря до Ябу-городка.

13. Неназванный город между Киевом и Очаковом в центре карты— очевидно, Брацлав. Об этом говорит сеть дорог вокруг этого города. Он расположен «направо», т. е. к западу, от Валашского шляха, дорога же от него «вниз», соединяющаяся с продолжением этого шляха, идущим в Очаков,— явно путь из Брацлава вдоль берега Южного Буга в Очаков, а оттуда в Крым, которым ездили польские послы в Перекопскую орду (по этому пути ехал, между прочим, и знаменитый Мартин Броневский). Однако кажется странным, что Брацлав, центр воеводства, нарисован на этой карте без каких-либо укреплений.

14. Неназванный город ближе к Брацлаву, на Днестре,— по всей вероятности, Каменец, важный центр на пути турецких посольств и купеческих караванов в Польшу. Странно, что и он без укреплений!

15. Неназванный город в верхнем правом, т. е. юго-западном, углу этой карты — несомненно Львов, крупнейший центр торговли с Востоком в Речи Посполитой. Отметим, что на этом городе обрывается путь из-за Днестра в Польшу. И этот город нарисован крайне схематично и без малейших укреплений.

16. Описав, кажется, все, что есть на этой карте, следует также обратить внимание на то, чего на ней нет. В карте, на которой обозначены и крепостца-мытница на Тавани, и даже совсем невзрачный Ябу-городок, поражает именно то, что на ней пропущены:

а) Белгород, старинный город-крепость у устья Днестра;

б) Канев, старинный город-крепость на пути из Черкасс в Киев;

в) *Islām-kerman* 'Ислам-город' («Аслам-городок», «Ослам-городок» русских источников), татарская крепостца у Тавани, на левом берегу Днепра.

17. Небрежное изображение на карте Брацлава и городов Речи Посполитой к западу от Брацлава говорит о том, что автор карты сделал так сознательно, все свое внимание сосредоточив на Днепре и на городах-крепостях этого района.

Старинные города Белгород и Канев, о которых автор карты не мог не знать, он пропустил, конечно, тоже сознательно, так как они для него не представляли важности.

То, что на карте нет построенной ханом Менгли-Гиреем I крепостцы Ислам-кермена, может быть аргументом при попытках установить дату этой карты, насчет которой нет никаких прямых указаний.

18. На карте изображен также довольно хорошо, в движении, полном динамики, военный флот. Пять малых единиц и три больших судна с артиллерией (на чертеже изображено по одному орудию на судно), обращенной в сторону суши, еще на море, у самого устья Днепра; другие уже на Днепре. От последних вследствие отпадения толстого пласта краски, которой нарисованы воды Днепра, остались одни только головы гребцов, видные отчетливо также у Очакова и выше. Этот военный флот, плывя вверх по Днепру, доходит почти до самого Киева.

Речь Посполитая военного флота на Черном море не держала. Это может быть только турецкий флот.

III

1. Разбирая надпись в шесть строк в нижней части карты (на левом берегу Днепра), Х. С. Ниберг принял, во-первых, что автор карты обращается здесь к турецкому султану, величая его «султаном» и «султан-ханом». На деле же, обращаясь к правителю из Османова рода, его подданные говорили и писали не *sulṭānım!* 'мой султан!', а *pādışāhım!* 'мой падишах!'. Слово *ḫan* 'хан' употреблялось для обозначения османского правителя только в том случае, когда его называли по имени; тогда говорилось, например, *sulṭān Bāyezīd ḫan* 'султан Баезид-хан'. Титулом *sulṭān* величали в таких обращениях великого везира.

Титул «султан-хан» у Х. С. Ниберга получился, должно быть, оттого, что первые слова этой надписи он читал سلطانمک خانی پای ترابنه *sulṭānımın^{g} ḫanī pā-yi turābina*; здесь и получается «султан-хан». На карте второе слово выглядит как خائی *ḫāṯī* (*ḫāsī*), что, однако, лишено смысла; слово это надо читать خاکی. Третье же слово پایی — фонетическая запись изафетной конструкции от персидских слов خاك *ḫāk* 'прах', 'земля' и [ی] پا *pā*[*y*] 'нога', 'ступня' (эти формы пишутся правильно خاك и پای). Первые четыре слова этой надписи должны читаться سلطانمك خاکی پایی ترابنه *sulṭānımın^{g} ḫāk-i pāy-i turābına* и дословно переводиться: 'к праху [на] земле [под] стопами моего султана'. (Здесь тавтология, неправильное выражение вместо обычного в таких обращениях *sulṭānımın^{g} ḫāk-i pā-yi şerīfine* 'к праху [под] славными стопами моего султана'.)

2. «Смиренный человек» (в тексте *faḳīr* 'бедняк'), автор карты, в обращении «к султану» — великому везиру — ничего не упоминает о своем «тщательно сделанном изображении», т. е. об этом чертеже. Он не просит также представить его чертеж «к королевскому престолу». Он просто «делает» عرض حال *'arẓuḥāl* 'изложение дела', т. е. 'прошение', 'заявление', а «делает», т. е. подает, его именно «к праху [на] земле [под] стопами» своего «султана».

3. В обращении к великому везиру автор карты говорит и о «королевском престоле» (хотя вместо «престола» можно, как мы еще увидим, подразумевать и «столицу»), и о «суднах».

Вопросительный знак у Х. С. Ниберга при слове «судна» вызван тем, что турецкое слово *gemiler*, писавшееся обычно с буквой для гласного *-i-* (کمیلر), тут написано на старый лад, без этой буквы: کملر, что выглядит как *kimler?* 'кто такие?'[22]. Слово «король» известно в османском языке в форме قرال *ḳiral*~*ḳral*. Здесь же имеется کورال *körel* — форма, известная из персидских текстов XIV в. о монголах и до конца XVI в. сохранившаяся у крымских татар[23]. В турецких текстах такая форма вряд ли встречается; во всяком случае она в турецком языке необычна. Здесь, таким образом, опять две особенности, два архаизма языка и графики, из которых один — еще и архаичный «татаризм» в османском языке.

Автор карты хочет именно, «чтобы» (*ki*) эти судна великого везира (в тексте *gemilerin^{g}iz* 'ваши судна') وارسن *varsın* 'дошли', *tā körelin^{g} taḫtına*, что можно перевести 'до самого королевского престола'. Отрицание имеется не при слове «дошли», а при *ḳanamasın* 'чтобы не истекал[и] кровью' (речь идет о носах турецких моряков: согласно правилам

турецкого языка глагол здесь в единственном числе). Это слово у Х. С. Ниберга пропущено, должно быть, вследствие непонятной, опять-таки архаичной графики, без знаков для гласных (قنماسن вместо необходимого начертания буквы для гласного по крайней мере в слоге *ḳan-*).

Из чертежа видно, что целью османских военных кораблей является Киев. Слово *taḫt* можно переводить и 'престол', и 'престольный город', 'резиденция', 'столица'. Так как даже Львов считался турками «старым престолом», т. е. «старой столицей» польских королей [24], то и здесь выражение *körelinᵍ taḫtı*, определяющее цель османских военных кораблей, следует отнести к городу, к которому эти корабли устремлены, т. е. к Киеву, и переводить его не 'королевский престол', а 'столица короля', 'королевская столица'. Таким образом, и чертеж, и текст обращения автора карты к великому везиру говорят о том, что целью османского военного флота является *Man-kerman* 'Великий город' на Днепре — Киев.

4. Так как «эта река», о которой говорится в обращении,— Днепр, то «камни» в ней — днепровские пороги [25]. Именно к этим «камням» (о которых автор говорит, что они существуют со времен легендарного Нимрода, т. е. испокон веков) следует отнести слово اچاين *açayın* в четвертой строке, в переводе шведского востоковеда пропущенное. Слово это — еще один архаизм: здесь 1-е л. ед. ч. желательного наклонения со староосманским суффиксом *-n* (в новой стадии языка *-m*: *açayım*) [26] от глагола *aç-* 'открыть', а также 'раздвинуть' [27]. Автор карты «хотел бы открыть», т. е. «хотел бы раздвинуть» эти днепровские «камни», «так» (*şöyle* — здесь опять архаичное написание شيله вместо شويله), чтобы османские военные корабли дошли до королевской столицы.

Эту «раздвижку» днепровских «камней» можно себе представить только как взрыв их.

5. Последняя строка этой надписи содержит подпись автора карты и этого необыкновенного стратегического плана.

Имя его (последнее слово надписи) действительно было الياس *Ilyās*. (Имя это употреблялось и христианами и мусульманами; судить по нему о национальности автора карты нельзя.)

Второе от конца слово مورالى следует читать не *Muraly* (это не имеет смысла), а *Moralı* 'мореец', 'житель Мореи', и прежде всего 'человек родом из Мореи', т. е. Пелопоннеса. (Здесь опять старое написание: мы привыкли к написанию слова *Mora* в виде مورە).

Третье от конца слово Х. С. Ниберг читал «Kulacuti», т. е., по-видимому, قولاغتى *ḳulaġ[u]ti*. Ни это, ни قولاغنى *ḳulaġ[ı]nı* 'его ухо' (винительный падеж), как казалось бы по фотокопии, сюда не подходит. Здесь просто вместо تى *-ti* или نى *-ni* следует читать ز *-z*. При таком чтении получается вполне понятное слово قولاغز *ḳulaġ[u]z~ḳulaġ[ı]z* (*ḳulav[u]z~ḳulav[ı]z* — опять старая форма нынешнего *ḳılavuz*). Слово это известно как 'проводник', 'гид'. Такое слово при имени морейца Ильяса позволяет думать, что сведения свои об Украине он собрал, путешествуя по ней в качестве «проводника», т. е. знатока путей и местных отношений, при турецких посольствах или при купеческих караванах в города Речи Посполитой — с одной стороны, во Львов, с другой же — в Киев (а оттуда через Остер — в Московское государство). Его карта, о чем красноречиво говорит и его обращение к великому везиру, имеет ярко выраженный стратегический характер. Слово *ḳulaġuz~ḳulavuz* по отношению к морейцу Ильясу можно, таким образом, толковать и как

известный военный термин для обозначения лиц, «используемых в военной службе для получения информации о неприятеле»[28].

Морейца Ильяса, османского автора прекрасной стратегической карты чужой страны, вполне уместно будет считать проводником-разведчиком.

6. Все обращение автора карты к великому везиру надо читать и толковать следующим образом:

سلطانمک خاکی پایی ترابنه بو فقیرک عرض حال
اتـوکی بودر که اکر سلطانم بیوررسه بو صو
ایـچـندکی طاشلـر نـمـرود زمـانـنـده یـاپـلـمشـدر
بـن فقیرکز شیله اچاینکه تـا کـورالک تـخـتـنـه
وارسن سزک کملریکز کـمـسـنـه‌نـک بـورنـی
قـنـمـاسـن قـولـوکـز قـولاغـز مـورالی الـیـاس

Sulṭānımın[g] ḫāk-i pā-yi turābına bu faḳīrin[g] 'arẕuḥāl ettüǧi budur ki[,] *eğer sulṭānım buyurursa* [,] *bu su içindeki taşlar Nemrūd zamānında yapılmıştır*[;] *ben faḳīrin[g]iz şöyle açayın ki*[,] *tā körelin[g] taḫtına varsın sizin[g] gemilerin[g]iz*[,] *kimsenenin[g] burnu ḳanamasın*[.]

Ḳulun[g]uz ḳulaġuz Moralı İlyās.

'Дело, изложение которого сей бедняк подает к праху [на] земле [под] стопами моего султана, таково, что если мой султан повелит, то камни, которые [находятся] в этой реке (сотворены же они во времена Нимруда), я, бедняк ваш, раздвину так, чтобы ваши корабли дошли вплоть до королевской столицы и ни у кого [даже] кровь бы из носа не потекла.

Ваш слуга проводник мореец Ильяс'.

IV

1. *Ḳal'e-yi Yabu* 'Ябу-городок' изображен на карте морейца Ильяса явно в незавершенном виде. Из горизонтальных и вертикальных черточек по обе стороны надписи можно только мысленно «воздвигнуть» семь небольших башенок без крыш, не соединенных сплошной стеной. Строится ли еще эта крепостца или это развалины какого-то старого укрепления со времен великого князя литовского Витовта, каких много было в той стороне, трудно сказать. То, что хан Менгли-Гирей I в 1507 г. решил уступить (на деле или только на словах — это уже другой вопрос) Ябу-городок Речи Посполитой, подсказывает догадку, что эта крепость в то время не представляла уже ничего ценного в его политико-военных расчетах по отношению к Речи Посполитой. В свою очередь то обстоятельство, что на карте турецкого разведчика морейца Ильяса, на которой обозначены только детали стратегически важные, отмечен и Ябу-городок, можно считать признаком того, что в его плане Ябу-городок как-то числился. Следовательно, можно принять, что карта морейца Ильяса возникла ранее уступки Ябу-городка ханом Менгли-Гиреем I королю Сигизмунду I, т. е. до 1507 г.

2. *Islām-kerman* 'Ислам-городок' был построен ханом Менгли-Гиреем I около 1504 г., а в 1506 г. он уже упоминается под своим названием[29]. О его стратегической важности говорит, например, то, что он отмечался польскими картографами[30]. Если этого важного мусульманского укрепления на границе Крымского ханства с владениями христиан нет на карте

морейца Ильяса, где отмечен даже недостроенный (или разрушенный) Ябу-городок, то, вероятно, во время составления этой карты Ислам-городка еще не было. Опять приходим к убеждению, что карту следует отнести ко времени до 1507, а возможно, до 1506 и даже — до 1504 г.

3. Неопровержимым аргументом в пользу тезиса о ранней дате составления карты морейца Ильяса являются отмеченные выше архаизмы в языке и графике надписей на этой карте.

Название Очакова на карте, как бы мы его ни поясняли, можно считать указанием на то, что во время составления этой карты турки-османы еще не успели ни освоиться с татарским названием Очакова, содержащим диковинное в их понимании слово *can*, ни придумать и ввести в общее употребление свое собственное название этого татарского «Новгорода Днепровского» — просто *Özi ḳal'esi~Özü ḳal'esi* 'Днепровская крепость'. *Yeng-i-sarāy* — переводное, явно раннеосманско-турецкое название татарской крепости Очакова — можно, таким образом, принять за новый аргумент для подкрепления предположения о ранней дате карты Украины морейца Ильяса. Из него явствует, что эта карта была составлена в относительно краткое время после построения Очакова ханом Менгли-Гиреем I в 1495 г.[31].

4. Совпадение таких признаков карты Украины морейца Ильяса, как архаизмы в языке, топонимике и графике надписей, вид Очакова — как будто только что построенного, вид Ябу-городка — как будто только начинающего строиться, а также отсутствие Ислам-городка и упоминаний о днепровских казаках, трудно считать только случайным.

Все это говорит, очевидно, о том, что карту морейца Ильяса нельзя отнести к таким периодам, как:

а) время украинского гетмана Ивана Самойловича (1672—1687), когда днепровские казаки добыли у едущего в Крым чауша Порты чертеж с планом постройки новых турецко-татарских укреплений на Днепре[32], копией или вариантом которого могла бы считаться карта, найденная Л. Багровым[33];

б) время постоянных столкновений на Днепре и границах Речи Посполитой с Турцией и Крымом из-за днепровских казаков и татар в XVII в., как, например, в 1628 г., когда для борьбы с запорожцами Порта мобилизовала свой военный флот на Черном море[34];

в) 1593 г., когда крымский хан Гази-Гирей II угрожал нападением на Киев[35], и данную карту можно было бы считать проявлением таких же намерений со стороны турок, флот которых действовал в то время около Очакова[36];

г) 1590 г., когда пришло известие о «рати, которую водой на польские границы откомандировала» Порта, хорошо вооружив ее огнестрельным оружием и пушками[37];

д) 1577 г., когда папский нунций в Варшаве писал в Рим, вероятно, в ответ на запрос оттуда, что вести о каких-то действиях турецкого флота на Балтийском море оказались просто вымыслом[38], в чем можно видеть извращенные в Италии известия о направленных против Речи Посполитой действиях турок на Черном море;

е) 1573 г., когда на заседании дивана под председательством великого везира Соколлу Мехмед-паши обсуждался план войны с Польшей по «грубому чертежу Польши и соседней Москвы, а также стран, через которые можно пройти от Дуная в Польшу, поясненных турецкими названиями», а именно по карте путей в Польшу через Трансильванию[39], вариантом которой можно было бы считать проект и карту морейца Ильяса;

ж) 1568 г., когда Петр Зборовский, польский посол в Стамбуле, узнав, что турки свезли в Кафу суднами «порохов немало» и «уксусов крепких много» для взрыва скал на реках в связи с планом построения канала между Доном и Волгой и атаки на занятую русскими Астрахань, опасался, чтобы они «к Киеву Днепром употребить не хотели» «трехсот лодок этих речных» и всего этого военного «аппарата», столь пригодного именно для взрыва «прыгов» на Днепре[40];

з) вообще время после 1556—1557 гг., когда вышли в свет «Записки о московских делах» С. Герберштейна: на помещенной в этом издании карте России течение Днепра изображено так же, как на карте морейца Ильяса,— в виде почти прямой линии[41], что при известной зависимости турецкой картографии от европейских образцов[42] мы могли бы считать указанием на то, что мореец Ильяс при работе над своей картой имел перед глазами карту С. Герберштейна, т. е. что он свою карту рисовал после 1556—1557 гг.;

и) время молдавского похода султана Сулеймана Великолепного в 1538 г., когда еще более укрепилась турецкая власть у устья Днестра и вообще на Черном море[43].

5. Киев, сожженный татарами в 1482 г., не переставал привлекать их внимания и после этого. Крымские татары появлялись под Киевом часто, а грозный хан Менгли-Гирей I, то мирясь, то опять воюя с Польшей, в 1510 г. говорил о короле Сигизмунде I: «Если бы он приехал до Киева и был бы с людьми поготову, я бых по воли и не по воли з ним мирился»[44]. Для подтверждения предположений о том, что карту Украины морейца Ильяса следует отнести ко времени вскоре после 1495 г. (т. е. после даты построения Очакова, на этой карте уже отмеченного), но до 1507 и, возможно, до 1504 г. (т. е. до уступки Ябу-городка Польше и построения Ислам-городка, которого во время составления этой карты еще не было и который строился с 1504 по 1506 г.), важно будет найти такой момент в истории взаимоотношений между Речью Посполитой и Турцией в те годы, когда планы Порты по отношению к Польше совпадали бы с притязаниями Крыма на Киев и как-нибудь была бы обоснована выраженная на изучаемой нами карте словами и рисунком мысль морейца Ильяса о применении для атаки на «королевскую столицу» Киев османского военного флота.

Такой момент находим, кажется, в 1497 г.

Как раз в то время в связи с валашским походом польского короля Яна Альберта, ставившего себе целью отобрать у турок захваченные ими в 1484 г. черноморские порты Килию и Белгород и, таким образом, угрожавшего одинаково и Порте, и Крымскому ханству, среди венецианских донесений о лихорадочной подготовке и высылке турками в эти два порта большого количества янычар находим также известия о турецких вооружениях на море. В октябре же 1497 г. имеем прямое известие о высылке из Стамбула в Килию и Белгород сперва янычар, а затем 17 паландр (бомбардных судов) и фуст (пиратских кораблей) с артиллерией и новыми контингентами янычар на Черное море, т. е. на фронт борьбы с польскими силами[45].

Весьма возможно, что карта морейца Ильяса с планом атаки турецких военных кораблей с Черного моря на Киев была представлена верховному командованию силами Порты именно в то время, при султане Баезиде II, в момент подготовки султанского флота к столкновению с угрожавшей турецкой гегемонии на Черном море польской армией короля Яна Альберта, т. е. летом 1497 г.

Прямых доводов правильности такого предположения, однако, нет. С точной датировкой карты Украины морейца Ильяса нужно, по-види-

мому, подождать, пока будут найдены новые данные о нем самом и его необычном стратегическом проекте.

На данной стадии изучения этой карты придется датировать ее лишь в общих чертах — концом XV — началом XVI в. (1495—1504/6 гг.).

V

1. Стратегический план морейца Ильяса не был, как известно, воплощен в жизнь. План атаки османского военного флота на Киев, предпосылкой которого была «раздвижка» днепровских «камней», был, конечно, неосуществим. Как отнеслись паши к неслыханному замыслу проводника-разведчика Ильяса, нам, к сожалению, пока неизвестно. По тому, что в архиве Порты нашлась его карта, можно, однако, судить, что по крайней мере сама карта показалась им интересной, достойной сохранения.

Интересной является она и поныне, представляя собой единственный источник сведений о том, что когда-то на заседании дивана великого везира, а возможно, и падишаха, рассматривался план атаки османского военного флота, а может быть, и сухопутных армий Османской Порты и Крымского ханства на Киев — в то время «королевскую столицу». Эта карта поможет по-новому оценить и известия в венецианских источниках о направлении морских сил Порты на фронт войны с королем Яном Альбертом за Килию и Белгород в 1497 г., которые до сих пор казались историкам неважными [46].

В свете этой карты становятся обоснованными также опасения за Киев со стороны П. Зборовского (1568 г.), которые без такого подтверждения могли бы казаться просто преувеличением опасности.

2. Чертеж морейца Ильяса, даже несмотря на то что точно определить дату его составления невозможно, придется признать замечательным памятником ранней картографии. Его значение для картографии и исторической географии Речи Посполитой и Украины трудно переоценить.

Составленная человеком, знавшим всю современную ему Украину из собственных путешествий по его главным городам и центрам политико-экономической жизни, карта эта поражает отличным подбором стратегически важной и полезной информации об этой стране. Этот чертеж, плод замечательной наблюдательности и одновременно умелого отбора деталей и объединения их в стройную, целеустремленную стратегическую карту громадной страны, поистине приносит славу ранней картографии в Османской империи. Он является свидетельством ее большой самостоятельности и независимости от европейской картографии, а по некоторым своим особенностям превосходит даже европейские карты Украины XVII в.

3. Карта морейца Ильяса несомненно интересна и ценна нарисованными на ней видами городов и крепостей. В рисунках этих наблюдаются, конечно, упрощения и схематичность, что, однако, вознаграждено точным изображением основных черт.

Историков заинтересует прежде всего вид Киева. Сам город, Подол, изображен здесь крайне скудно, в застройке площади посередине крепости тоже имеются упрощения, но это понятно: морейца Ильяса, разведчика, интересовали укрепления, дороги к ним и ворота, и их он изобразил с большой тщательностью. Некоторые детали карты (тройной частокол, ворота, башни, их число и формы) полезно будет сравнить с известными описаниями киевской крепости XVI в.[47]. В целом вид Киева на этой турецкой карте гораздо более выразительный, чем бед-

ные деталями схематические изображения его на европейских картах[48]. Благодаря своей ранней датировке он несомненно займет важное место в галерее видов Киева, которую до сих пор открывал общий вид Киева работы А. Вестерфельда (1651 г.)[49].

Виды Черкасс и Остера не вполне соответствуют натуре: ни при одном из городов не отмечено его расположение на холмах. Несмотря на это, изображения этих крепостей могут оказаться ценным пополнением сведений о них, имеющихся в ревизиях XVI в. Черкасс[50] и Остера[51].

Интересен и вид Очакова в очень ранней стадии его существования. Острововидное положение этой крепости (она «сзади» окружена искусственным рвом) и другие детали (мост через ров на дороге к северу) находят подтверждение в описании Очакова в «Книге путешествий» Эвлии Челеби, знаменитого турецкого автора XVII в.[52].

Что касается крепостцы на Таванском перевозе, то интересно будет сравнить ее вид на этой карте с описанием Гази-кермена у Эвлии Челеби[53], а с другой стороны — с изображением его в изданном в 1702 г. в Киеве «Патерике Печерском»[54].

Благодаря карте морейца Ильяса можно также развеять сомнения насчет известного до сих пор по одному только ярлыку 1507 г. Ябу-городка[55] и установить, что он находился где-то на половине пути между Очаковом и Белгородом. На европейских картах Ябу-городок нигде, кажется, не обозначен.

4. Стратегическая карта Украины морейца Ильяса вносит интересный новый материал для еще не написанной работы о турецкой разведке в прошлые века в европейских странах, особенно в Речи Посполитой, и для анализа методов работы турецких разведчиков[56].

5. Отметим, наконец, еще раз ценные для истории османско-турецкого языка особенности надписей на карте морейца Ильяса, анализ которых был дан выше.

* * *

Судьба чрезвычайно интересного чертежа морейца Ильяса и заключенного в нем смелого стратегического плана напоминает судьбу столь же грандиозного и также в свое время неосуществимого проекта постройки мостов в Стамбуле через Босфор и Золотой Рог и других сооружений, предложенного в 1502—1503 гг. гениальным Леонардо да Винчи султану Баезиду II, который, подобно нашей карте, был только в последние годы случайно открыт в собраниях дворца Топкапы, а затем опубликован проф. Фр. Бабингером[57]. Однако в отличие от да Винчи, жизнь и творчество которого подробно изучены, наши сведения о морейце Ильясе, а следовательно, и об этом его чертеже и проекте очень скудны. Многое в этих выводах о нем и его чертеже пришлось, таким образом, построить на одних только догадках и предположениях.

В настоящей работе возражения и дискуссию могут вызвать прежде всего мои попытки датировать карту морейца Ильяса, хотя они основаны на возможно всесторонних критериях. Сознавая недостатки своей работы, я, однако, надеюсь, что она и в таком виде является шагом вперед в деле изучения этого интересного документа и что она будет полезна всем, кто работает над проблемами истории Турции, Польши, Украины. Впрочем, я намерен продолжать изучение карты морейца Ильяса в связи с другими турецкими картами Украины, о которых я писал в упомянутом в начале статьи сообщении и которые думаю издать так же, как данную карту.

Мне хотелось бы посвятить настоящую работу моим турецким друзьям — историкам из Анкары и Стамбула, а также стамбульским коллегам-архивистам из Архива Музея дворца Топкапы (Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi) и Архива Управления при премьер-министре (Başvekâlet Arşivi) в знак глубокой признательности за дружеский прием, который они мне оказали во время моего пребывания в Анкаре и Стамбуле в 1959 г., и в знак надежды на дальнейшую дружескую совместную работу по выяснению истории взаимоотношений между нашими странами.

Можно ожидать, что труд турецких историков и архивистов по изучению богатейших собраний памятников истории Турецкой империи — стамбульских архивов — приведет и к открытию новых материалов, могущих пролить свет на личность и деятельность морейца Ильяса, которому мы обязаны этой единственной в своем роде весьма ценной ранней картой-картиной Украины.

Краков, 9 мая 1965 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Настоящая статья является переработанной и значительно пополненной первой частью моего доклада о трех турецких стратегических картах Украины, прочитанного в 1964 г. на заседании Востоковедческой комиссии и Краковского отделения ПАН (см. краткое сообщение «Trzy tureckie strategiczne mapy Ukrainy z XVI—XVII w.»,—«Sprawozdania z posiedzeń komisji Oddziału PAN w Krakowie», Lipiec-grudzień, 1964, str. 103—105). Две другие карты, о которых говорилось в этом докладе, будут изданы отдельно.

Находкой карты, которая является предметом настоящей статьи (конечно, находкой вторичной, по печатному изданию), я обязан Эдуарду Шнайдеру, хранителю картографических собраний Ягеллонской библиотеки в Кракове, который мне оказал большую помощь также в других моих работах по исторической географии Крыма и Украины. За это приношу ему искреннюю благодарность.

Я глубоко признателен профессору Ягеллонского университета Каролю Бучеку, специалисту по истории картографии Польши, а также историкам Владиславу Бандуре, сотруднику Ягеллонской библиотеки, и сотруднику университета доктору Вацлаву Урбану за ценные советы по проблеме датировки этой карты.

В транскрипции турецких надписей на этой карте и названий турецких научных работ приняты следующие обозначения: *c* читается как русск. *дж*; *ç* —как *ч*; *ġ*—как *г* «хриплое»; *ğ* (очень мягкое *g*)— как *й*; *h*— как польское *h*, украинское *г*; *ḫ*— так же или как *х*; *ḫ* — как *х*; *ı* — как *ы*; *ḳ* — как твердое *к*; *l* с гласными *a*, *ı*, *o*, *u* — как *л*, а с *e*, *i*, *ö*, *ü* — как *ль*; *n*^{g} — слегка носовое *н*; *ş* — как *ш*; *v* — как *в*. Арабские звуки *ṯ* и *ẓ* у турок превратились просто в *т* и *з*, а звук *айн* (знак ʿ) вовсе не произносится.

[1] О Л. С. Багрове см.: «Leo Bagrow. Historian of cartography and founder of «Imago Mundi» (1881—1957)»,—«Imago Mundi», vol. XIV, 's-Gravenhage, 1959, pp. 5—12.

[2] Краткий перечень произведений по географии, а также карт, хранящихся в библиотеках Стамбула, в том числе и во дворце Топкапы, см.: Cevdet Türkay, *İstanbul kütüphanelerinde Osmanlı'lar devrine ait türkçe-arapça-farsça yazma ve basma coğrafya eserleri bibliyografyası*, İstanbul, 1958. Работа İbrahim Hakkı Konyalı (*Topkapı Sarayında deri üzere yapılmış olan eski haritalar*, İstanbul, 1936), содержащая описание, а также частично и фотокопии этих карт, была мне во время работы над настоящей статьей недоступна.

[3] О находке этой карты рассказал Л. Багров в очерке «A tale from the Bosphorus. Some impressions from my work at the Topkapı Saray Library, summer 1954» (см. «Imago Mundi», vol. XII, 's-Gravenhage, 1956, p. 26).

[4] H. Köhlin, *Some remarks on maps of the Crimea and the Sea of Azov*,— «Imago Mundi», vol. XV, 's-Gravenhage, 1960, pp. 86—87 (здесь и перевод надписей, сделанный Х. С. Нибергом, и рис. 6 с подписью: «Ms. Turkish map of the Azov (?) region»).

[5] В турецком «вход»—*giriş* (в других тюркских языках — *kiriş*). Слова *girmen* (или *kirmen*) в значении «вход» не знает и В. Atalay (*Türkçemizde man — men*, İstanbul, 1940, где на стр. 20—26 собраны слова с суффиксом *man—men* в разных тюркских языках). Кроме того, если даже принять, что существует слово *girmen* 'вход', то выражение *ka'iyé* (=*ḳal'eye*) *merkez girmen* следовало бы перевести не 'вход в центр крепости', а 'центральный вход в крепость'.

[6] О слове *kermen~kerman* см.: O. Pritsak, *Eine altaische Bezeichnung für Kiew*,—«Der Islam», Bd XXXII, S. 5, где приводится литература. На территории Турции это слово (с характерным для турецкого переходом начального *k-* в *g-*) известно только как название деревни *Germencik* близ Кютахьи («крепостца», «городок» — уменьшительное от *germen*), подобно производному от *kermen* «татарскому» топониму *Kermençuk* — названию украинского Старого Керменчига (см. O. Pritsak, *Eine altaische Bezeichnung...*, S. 6). См. также: B. Atalay, *Türkçemizde man—men*, s. 22, где этот турецкий топоним сопоставлен с крымско-караимским и крымско-татарским *kermen* и топонимом *Kermencik* в Крыму (не *germen* и *Germencik* с османским начальным *g-*, как пишет этот автор!).

[7] Об Инкермане см.: П. Кеппен, *О древностях южного берега Крыма и гор Таврических*, СПб., 1837, стр. 235 и сл., а также Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. VII, İstanbul, 1928, s. 537 sq. О Тепекермане см.: П. Кеппен, *О древностях.*., стр. 301 и сл. Там же упоминаются и другие местности в Крыму, названия которых содержат слово *kermen~kerman*. Много таких названий собрал O. Pritsak (*Eine altaische Bezeichnung...*, S. 6—7).

[8] Форму كرمن находим уже в фермане султана Мехмеда II Завоевателя в пользу молдавских купцов (1456 г.), а именно в названии Аккермана. См. Fr. Kraelitz, *Osmanische Urkunden in türkischer Sprache aus der zweiten Hälfte des 15. Jahrhunderts*, Wien, 1921, № 1 (турецкий текст и факсимиле). Численные примеры такой графики этого слова приводятся: Z. Abrahamowicz, *Katalog dokumentów tureckich*, [cz. I], Warszawa, 1959. О ранних рукописях с формой كرمن см.: O. Pritsak, *Eine altaische Bezeichnung...*, S. 3 (Anm. 22). Такую форму применяет, например, османский историк Мехмед Нешри (ум. в 1520 г.) (см. *Cihānnümā*, die altosmanische Chronik des Mewlānā Meḥemmed Neschrī..., hrsg. von Franz Taeschner, Bd I, Leipzig, 1951, S. 223, 224, 227).

[9] Форму *çerkez* приводит Д. А. Магазаник, *Турецко-русский словарь*, М., 1945, стр. 115; چركز *çerkez*, چراكز *çerākiz*, چراكزه *çerākize* и *Çerkezistan* пишет Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. VII, s. 713, 717, 749, 761, 903. Он употребляет, конечно, и форму с начальным *ç-* и конечным *-s*, но дает также и другие формы.

[10] *Çerkes-kerman* как название Черкасска на Дону отметил уже O. Pritsak (*Eine altaische Bezeichnung...*, S. 6) [по Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. X, s. 87 (ссылка на т. II, стр. 215 кажется опечаткой)]. Так же назван Черкасск в одном анонимном турецком памятнике XVIII в. См. «Walachei, Moldau, Bessarabien, die Krim, Taman und Asov (in der Mitte des vorigen Jahrhunderts). Ein topographisch-etnographischer Beitrag zur Kenntnis der damaligen Türkei. Aus dem Türkischen übertragen von C. M. Ottokar Freiherr v. Schlechta-Wsseherd»,—«Sitzungsberichte d. Kaiserlichen Akademie d. Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, Bd 40, Wien, 1862, S. 589: چركس كرمان «Tscherkes-Kirman (Tscherkask)». Следует еще упомянуть о Черкес-кермене в Крыму, о котором см.: П. Кеппен, *О древностях...*, стр. 249 и сл. Последний не может здесь приниматься во внимание хотя бы по той причине, что возле него нет такой большой реки, как у крепости на рассматриваемой нами карте.

[11] Так в: Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], например, № 85.

[12] О *Man-kerman* 'Киев' см.: O. Pritsak, *Eine altaische Bezeichnung...*, S. 2—3. Из турецких грамот XVI в., где Киев назван так, приведу здесь только те, которые описаны в: Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 105 (1549 г.), 137 (1553 г.) и 208 (1570 г.), хотя название это встречается и в других, несколько более поздних письмах турецких султанов польским королям.

[13] См. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 156 (1556 г.) и 185 (1565 г.). Название Киева записано в первой грамоте в виде كياو, во второй — كيو.

[14] E. Rulikowski, *Oster*,—«Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich», t. VII, Warszawa, 1886, str. 667—669. Книга: М. Александрович, *Остерский уезд, историческое описание до окончания смут на Украине (1669)*, ч. I, Киев, 1881, которая легла в основу этой статьи, была мне недоступна. О городе Остере см. также: «Українська Радянська Енциклопедія», т. X, Киев, 1963, стр. 411, ст. «Остер».

[15] Путь из Киева в Остер (и дальше) берегом Десны впервые в западноевропейской картографии изобразил J. A. B. Rizzi Zannoni, *Carte de la Pologne, divisée par provinces et palatinats*, Paris, 1772, л. 16. Пути этого нет и на «Специальной карте западной части Российской империи, составленной... с 1826 по 1840 год под руководством генерал-лейтенанта Шуберта», л. XLI.

[16] E. Rulikowski, *Oster*, str. 667.

[17] Тюркское название Днепра в его историческом развитии разобрал O. Pritsak, *Ein hunnisches Wort*,—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd 104 [1954].

[18] Так пояснил мне татарское название Очакова *Can-kerman* караимский ученый Серая М. Шапшал (1873—1961), прекрасный знаток истории Крыма, во время моей короткой встречи с ним в Вильнюсе в 1956 г. Требуется, однако, доказать правильность такого толкования этого названия. Оно основано на том, что османско-турецкому *yeng̈i* 'новый' в языках кыпчакской группы соответствует *yangı ~ cangi*, которое в географических названиях сокращается в *yan ~ can*, причем часто один и тот же географический объект называется и полной, и сокращенной формой этого слова, могущего еще выступать одновременно с начальным *y-* и с *c-*. Так, например, один из родов татар б. Астраханской губернии назывался *Cangı Nayman* или *Yangı Nayman* 'Новые найманы' (см. П. Семенов, *Географическо-статистический словарь Российской империи*, т. II, СПб., 1865, стр. 47). Древний город *Yangı-kent* 'Новый город' на Сыр-Дарье называется в нынешнее время *Can-kent* (см. там же, стр. 47—48); река *Canı-daryā* называется также *Yanı-daryā* (см. там же, стр. 48; *canı ~ yanı < cangı ~ yangı*). Известная местность Джанкой в Крыму на берегу Сиваша именовалась в прошлом Янкой (*Yan-köy* 'Новая деревня') в отличие от *Eski-köy* 'Старой деревни', вблизи которой она была основана [см. «Специальная карта западной части Российской империи...», л. LII (здесь ошибка: «Ескикой» вместо «Эскикой»)]. Таким образом, и название Очакова *Can-kerman* можно переводить единственно как 'Новая крепость', 'Нов-город'. Впрочем, и по отношению к Очакову засвидетельствована в начале XVI в. у крымских татар форма его названия с начальным *y-* в слове 'новый'. Так, в письме крымского «царевича» Химмет-Гирей-султана великому князю Василию, написанном в 1516 г. (т. е. через 20 лет после основания Очакова), читаем: «...а ныне сам во Ян-Кермене живем...», и далее слова о том, что султановы люди «королеву землю воюют», не оставляют сомнения в том, что этот *Yan-kermen*, близкий к королевским землям татарский «Новгород»—именно Очаков (см. «Сборник Русского исторического общества», т. XCV, стр. 309). В турецких документах XVI в. кроме турецкого названия Очакова *Özi* (*Özü*) *ḳal'esi* встречается очень часто и татарское. См. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 112 (1549 г.), где в начале документа говорится о разорении подданными польского короля мусульманских земель «по ту сторону Днестра, принадлежащих к судебно-административному округу (*ḳażā*) Джан-керман». Турецкое и татарское название Очакова сопоставил в описании этого города Эвлия Челеби. См. русский перевод: Эвлия Челеби, *Книга путешествия* (*Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века*), перевод и комментарии. Вып. 1. *Земли Молдавии и Украины*, под ред. А. С. Тверитиновой, М., 1961, стр. 110—116, и указатель, стр. 313.

[19] Другой пример такого перевода (кальки) непонятного туркам-османам татарского имени собственного находим у Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. VII, s. 521 в описании крепости *Ġāzī-kermen* (в татарском произношении *Ḳazı-kermen*, откуда и «Кизикермень» русских источников), или *Doġan* (у татар *Toġan ~ Tovan*, а отсюда русское «Товань» и «Тавань» как название перевоза через Днепр, на котором была воздвигнута эта крепостца). Эвлия пишет, что крепость Доган построил *Ḳırım ḫanlarından Toḫtamış Gerey ḫan ya'nī Durmuş ḫan oġlu Toġan ḫan* 'Тоган (или Доган)-хан, сын крымского хана Тохтамыш-Гирей-хана, то есть хана Дурмуша'. Непонятное туркам кыпчакское имя Тохтамыш — форму на *-mış* от чуждой османскому глагольной основы *toḫta-* 'остановиться, стать, утвердиться' (см. В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. III, СПб., 1905, кол. 1169; об имени Тохтамыш — там же, кол. 1170)— Эвлия поясняет калькой, образованной с помощью суффикса *-muş* (разновидность суффикса *-mış*) от семантически сходной с *toḫta-* османской глагольной основы *dur-* [«1. стоять; 2. останавливаться... 4. пребывать... существовать... 5. оставаться спокойным, стоять, сидеть спокойно...» (см. Д. А. Магазаник, *Турецко-русский словарь*, стр. 157)].

[20] Пример таких двух параллельных названий одного и того же города у крымских татар находим в начале XVI в. в названии знаменитой крымской крепости Перекопа. Татары называли его просто *Or* 'Ров' ('Перекоп'!), но в официальных документах и литературных памятниках XVI—XVIII вв. он именуется فرح كرمان *Feraḥ-kerman* 'Крепость (город) Радости', 'Крепость (город) Веселья' (объяснение такого названия дает Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. VII, s. 515). Такое название Перекопа находим также в ярлыке хана Менгли-Гирея I польскому королю Сигизмунду I от 1512 г. См. K. Pułaski, *Stosunki z Mengli-Girejem, chanem Tatarów perekopskich* (*1469—1515*), Kraków-Warszawa, 1881, str. 399, № 134. Здесь в русском переводе этого ярлыка читаем: «Potom... prypisano Ufarak Kermań», т. е. 'в Feraḥ-kerman'. Наряду с этим в ярлыке того же хана от 20 мухаррема 915/10 мая 1509 г. (там же, № 113) читаем, что он «pisan w Szahryfarach». Здесь не славянский местный падеж от каких-то «Шахрифары», а просто транскрипция редкого, позже, по-видимому, не употреблявшегося другого варианта официально-литературного названия Перекопа: فرح شهر *şehr-i Feraḥ* 'город Радости (Веселья)'.

[21] K. Pułaski, *Stosunki z Mengli-Girejem...*, str. 314, № 90: «... Jabu horodok, Bałykły (в книге опечатка: Bałykty), Karasuń, Czornyj horod, Daszow...». Тот же ярлык по подлиннику Литовской Метрики в «Актах Западной России», т. II, № 6, но здесь

пропущено название «Черный город», являющееся, вероятно, калькой татарского «Карасунь» (*-сунь*?): «... Ябу городок, Балыклы, Карасун, городок Дашов...». В подобном списке уступленных королю Сигизмунду I городов в «Заключении» Менгли-Гирея I от 1514 г. (см. K. Pułaski, *Stosunki z Mengli-Girejem...*, № 145), а также в списке городов, требуемых королем от хана Сахиб-Гирея в 1540 г. (см. письмо короля в «Актах Западной России», т. II, № 200), Ябу-городок не упоминается. Проверить, не пропущен ли он в последнем письме издателями (как, вероятно, пропущено в «Актах Западной России», т. II, № 6 название Черного города), было, конечно, невозможно.

[22] Слово *gemiler* в виде كميلر находим даже в фермане султана Мехмеда II Завоевателя от 1456 г. в пользу белгородских купцов (см. Fr. Kraelitz, *Osmanische Urkunden...*, n. 1).

[23] P. Pelliot, *Notes sur l'histoire de l'Horde d'Or*, Paris, 1949, pp. 120 et 160 (здесь транскрипция *köräl*). В памятниках переписки турок с Польшей, сохранившихся с 1489 г., польские короли всегда именуются قرال. Так пишет слово «король» в 1551 г. и неизвестный татарин из смежных татарско-турецких территорий в письме Сигизмунду Августу (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 127).

[24] «Старым престолом» польских королей называет Львов Эвлия Челеби (*Книга путешествия*, стр. 73). Слово تخت *taḫt* поясняет F. Steingass (*A comprehensive Persian-English dictionary*, London, [s. a.], p. 286): «A royal throne... a capitale, the royal residence»; так же J. Th. Zenker (*Türkisch-arabisch-persisches Handwörterbuch*, Leipzig, 1867—1875, S. 267): «Thron... Residenz des Fürsten».

[25] Так, просто «камнями» или «утесами» (*sassi*) называет днепровские пороги в 1620 г. венецианский дипломат синьор Поло Минио. См. «Fontes rerum Austriacarum», zweite Abteilung: «Diplomataria», Bd XXVI, Wien, 1866, S. 93; I. H. Uzunçarşılı (*Osmanlı tarihi*, c. III, kısım 2, Ankara, 1954, s. III) называет пороги *şelâle*: «Şelâle kazaklari» '[за]порожские казаки' (араб. *şallâl* 'водопад', 'катаракт на реке').

[26] H. Vambéry, *Altosmanische Sprachstudien*, Leiden, 1901, S. 16; A. Zajączkowski, *Studia nad językiem staroosmańskim*, t. I, Kraków, 1934, str. 166.

[27] Д. А. Магазаник, *Турецко-русский словарь*, стр. 14: «*açmak* 1. открывать, раскрывать; растворять, отпирать... 7. раздвинуть, расширять...». Слово «взрыв» передается в турецком языке арабским *infilâḳ*; «взорвать» же — *havaya uçurmak* (дословно 'сделать, чтобы полетело в воздух').

[28] M. Zeki Pakalın, *Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü*, XII, fasik., İstanbul, 1951, s. 257: *Kılavuz*: «... Düşman hakkında malûmat edinmek için ordu hizmetinde kullanılanlara da bu ad verilir».

[29] В. Е. Сыроечковский, *Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века*,—«Известия АН СССР», серия VII, Отделение обществ. наук, вып. 3, 1932, стр. 222.

[30] Ислам-городок отмечен в первый раз на польской карте Бернарда Ваповского (1526 г.). См. K. Buczek, *Dzieje kartografii polskiej od XV do XVIII wieku*,—«Zarys analityczno-syntetyczny», Wrocław—Warszawa—Kraków, 1963, tabl. VII (одинокое здание на левом берегу Днепра у Тавани с пояснением: «Oszlam», т. е. «Oslam»).

[31] В. Е. Сыроечковский, *Пути и условия сношений Москвы с Крымом...*, стр. 221.

[32] Библиотека Чарторыских в Кракове, рук. 411, д. № 54.

[33] Копией или вариантом этой отобранной казаками турецкой карты нельзя считать также карту, воспроизведенную I. H. Uzunçarşılı (*Osmanlı tarihi*, c. IV, kısım I, Ankara, 1956, tabl. 7) с подписью: «План крепостей на Днепре». Карта эта, как я уже указал в сообщении *Trzy tureckie strategiczne mapy Ukrainy...*, str. 104, является планом действий крымских войск во время турецко-татарского похода на Украину и войны за Чигирин в июле — августе 1678 г. На ней изображен Днепр от Черкасс до устья, на карте же, отобранной казаками, был «Dniepr na Karłynie(?) z Niżu aż do Kodaku». Инцидент, связанный с этой картой, можно, очевидно, отнести к концу 1678—началу 1679 г., когда турки предприняли постройку новых укреплений на Тавани, у Ислам-кермена (см. J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd VI, Pest, 1830, S. 355).

[34] События 1628—1630 гг. отражены в сохранившейся переписке турок с Речью Посполитой (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 268 sq.). О средствах, предпринятых Портой в то время для борьбы с запорожскими казаками на Черном море, повествует и Эвлия Челеби (см. русский перевод, стр. 113—115).

[35] После очередного поражения татар, нанесенного днепровскими казаками, хан Гази-Гирей II послал Ю. Верещинскому, киевскому католическому епископу, какую-то конскими копытами «оглоданную» арабскую книгу (Коран?) и письмо, в котором писал ему: «...так тело твое поповское копытами коней моих будет оглодано от костей твоих»— и угрожал нашествием татар (см. «Listy Stanisława Żołkiewskiego 1584—1620», wyd. T. Xże L[ubomirski], Kraków, 1868, str. 30—31).

[36] Весной 1593 г. турки предприняли восстановление старого укрепления Хаджибей

(см. донесение из Стамбула от 8 апреля 1593 г. в «Documente privitóre la istoria Românilor», vol. XI, adunate, adnotate şi publicate de N. Jorga, Bucureşti, 1900, № CCXLVI, p. 700).

[37] Донесение из Стамбула от 27 марта 1590 г. в «Documente...», vol. III, partea 1, culese di E. de Hurmuzaki, Bucureşti, 1880, № CXVIII, p. 134.

[38] T. Wierzbowski, *Vincent Laureo, évêque de Mondovi, nonce apostolique en Pologne 1574—1578 et ses dépêches inédites au cardinal de Côme*, Warszawa, 1887, p. 548, № 152. В письме от 10 мая 1577 г. нунций писал: «...Circa la pratica degli Turchi nel mare Baltico m'assicuro ch'era una favola».

[39] «Documente...», vol. II, partea 1, culese di E. de Hurmuzaki, Bucureşti, 1891, № DCXXXVI, p. 664, обстоятельное донесение из Стамбула от 24 апреля 1573 г. австрийского посла Карла Рима (Rym) со слов его конфидента, христианского живописца, к которому великий везир обратился с просьбой о «более точном и более искусном изображении и нарисовании» этого «грубого чертежа», по-видимому, составленного каким-то турком, не очень хорошо владевшим кистью.

[40] Письмо П. Зборовского Ст. Мышковскому, краковскому воеводе (Стамбул, 11 июня 1568 г.) см.: J. Pajewski, *Legacja Piotra Zborowskiego do Turcji w r. 1568. Materiały do historji stosunków polsko-tureckich za panowania Zygmunta Augusta*,—«Rocznik Orientalistyczny», t. XII, [1936], str. 86. Порта в то время о войне с Речью Посполитой не думала, о чем писал потом в своем отчете королю и сам П. Зборовский (см. «Relacja pana wojnickiego...,—«Podroże i poselstwa polskie do Turcji», wyd. J. I. Kraszewski, Kraków, 1860, str. 66 sq.; а также: Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 194, 195, 197). H. İnalcık (*The origin of the Ottoman-Russian rivalry and the Don-Volga canal (1569)*,—«Ankara Üniversitesi Yıllığı», c. I, Ankara, 1947, s. 70) приводит по копиям в стамбульских архивах указы Порты крымскому хану с запрещением нарушать мир с польским королем.

[41] На карте С. Герберштейна в издании его «Записок» 1546 г. течение Днепра от Киева до моря слегка выгнуто, но к западу; в виде прямой линии оно изображено в изданиях 1556 и 1557 гг.; в дальнейших изданиях его изображение более близко к натуре. Днестр (в нижней его части) тоже выглядит почти прямым, но он здесь наклонен к течению Днепра под углом 45 градусов. Десна вливается в Днепр ниже Черкасс. Отмечены города Киев, Черкассы и Очаков, а из путей—только два не соединенных между собой отрезка: один — из-за Днестра в Очаков, другой — из Черкасс через Днепр в Москву. Ни Тавань, ни татарские укрепления на ней не обозначены (см. В. Кордт, *Материалы по истории русской картографии*, вып. I. *Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века*, Киев, 1889, табл. XI—XVI).

[42] Fr. Taeschner, *Die geographische Literatur der Osmanen*,—«Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd LXXVII, [1923], S. 42, 59, 70.

[43] О молдавском походе 1538 г. султана Сулеймана Великолепного см.: J. v. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*, Bd III, Pest, 1828, S. 201—204; см. M. Guboglu, *L'inscription turque de Bender relative à l'expédition de Soliman le Magnifique en Moldavie (1538/945)*,—«Studia et Acta Orientalia», vol. I, Bucarest, 1958, pp. 175—187, где приведена обширная библиография. В изложении письма султана Сулеймана королю Сигизмунду I, написанного после этого похода в Адрианополе 19—27 июля 1538 г. (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog...*, [cz. I], № 46), читаем, что по просьбе польского короля султан «запретил своим подданным атаки на королевские замки в Диких полях (پولیه)». Здесь у меня ошибка: پولیه — не польское Pola, «дикие» очаковские 'поля', а итальянское [le] Puglie, Puglia — Апулия, где находились родовые имения королевы Боны, барийской принцессы, которым угрожали атаки османского военного флота.

[44] Секретный рассказ ханского толмача Макарка королю Сигизмунду I (см. K. Pułaski, *Stosunki z Mengli-Girejem...*, str. 379).

[45] Донесение венецианского информатора с о-ва Хиос от 24 октября 1497 г. см.: «I diarii di Sanuto», т. I, кол. 846. О черноморском походе 1497 г. короля Яна Альберта см.: Fr. Papée, *Jan Olbracht*, Kraków, 1936, str. 132—155.

[46] Fr. Papée (*Jan Olbracht*, str. 140) отмечает высылку военных кораблей Портой в июне 1497 г. на Черное море, но не придает этому сведению особого значения, так как в донесениях венецианских осведомителей нет никакого намека на вражеские Речи Посполитой намерения османского флота. Так же отнесся к этому известию S. Nettleton Fisher (*The foreign relations of Turkey 1481—1512*, Urbana, 1948, p. 56).

[47] Киевская крепость описана королевскими ревизорами в 1552, 1570 (1571) и 1622 гг. Ревизия 1552 г. помещена в «Źródła do dziejów polskich», wyd. M. Malinowski i Al. Przeździecki, Warszawa, 1844, str. 123—140, и в «Архиве Юго-Западной России», ч. VII, т. I, Киев, 1886, № XVI, стр. 106—122. Ревизию 1570 (1571) г. издал Al. Jabłonowski (*Źródła dziejowe*, t. XX. *Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym*; t. IX. *Ziemie Ruskie. Ukraina* (*Kijów-Bracław*), dz. I, Warszawa, 1894, str. 3 i nast). Ревизию 1622 г. см. ibid., str. 55 i nast.

[48] Такие изображения Киева имеются на карте Литвы Радзивилла (1613 г.) и на

карте Украины Г. Левассер де Боплана (1650 г.) (см. В. Кордт, *Материалы по истории русской картографии*, вып. II, Киев, 1910, табл. IV, XVI, XVIII). «Виды» Киева, а вернее, просто картографические знаки, на более ранних европейских картах вообще не заслуживают внимания. См. В. Кордт, *Материалы по истории русской картографии*, 2-я серия, вып. I, табл. I (карта М. Вальдземюллера, 1516 г.), табл. III (карта России Б. Агнезе, 1525 г.); вып. II, табл. X—XI (карта Литвы Г. Меркатора, 1595 г.).

Стоит еще упомянуть, что на ранних европейских картах обозначалось два Киева. На карте Николо ди Куза (1491 г.) кроме *Chivia* видно южнее еще и *Mācromana* (т. е. *Man-kerman*!). См. K. Buczek, *Dzieje kartografii polskiej* .., табл. 2. На карте С. Мюнстера (1540 г.) на правом берегу Днепра отмечен *Chiof*, на левом же—*Kiovi*. См. В. Кордт, *Материалы по истории русской картографии*, вып. II, табл. XX. На вышеупомянутой карте Г. Меркатора также имеется *Kiof* и *Kioua*.

[49] Вид Киева работы голландца Абрагама Вестерфельда помещен в книге «Історія Києва у двох томах», т. I, Київ, 1959. Мне была недоступна книга: Сементовский, *Галерея киевских видов* (1857 г.), а также том «Памятников Киевской Археографической комиссии», изданный в Киеве в 1848 г., где приводится какой-то примитивный вид Киева тоже 1651 г. Упоминает об этом Fr. Rawita-Gawroński, *Kijów. Legendy, podania, dzieje*, Kijów—Warszawa, 1915.

[50] Известны ревизии Черкасс 1552 г. (см. «Архив Юго-Западной России», ч. VII, т. I, № XIV), 1570 (1571) г (см. Al. Jabłonowski, *Źródła dziejowe*, str. 19 sq.) и 1622 г. (там же, стр. 62 и сл.). «Виды» Черкасс на европейских картах — сплошь обобщенные картографические знаки.

[51] Известна ревизия Остера 1552 г. (см. «Архив Юго-Западной России», ч. VII, т. I, № LXXXIII). На упомянутых картах Г. Меркатора и Б. Агнезе на месте Остера—пункт с пояснением «Trochi» (?!) Польское название «Ostrz» появляется впервые на упомянутой выше карте Радзивилла, но здесь крепость эта — на правом берегу Десны (Остер расположен на правом берегу р. Остера) На карте Боплана Остер расположен правильно, но Боплан этой области не знал, и, следовательно, у него здесь белое пятно, без путей и других населенных пунктов, а Остер — город с крепостью — обозначен только рисунком высокой (приходской) церкви.

[52] Эвлия Челеби, *Книга путешествия*, стр. 110—116. Вид Очакова имеется в анонимной книге «Cyanae, oder die am Bosphoro Thracico ligende hohe Stein-Klippen», Auspurg, 1687 (? ; также 1688, 1691, 1698 гг.). См. В. Січинський, *Чужинці про Україну*, Прага, 1942, стр. 109; там же, рис. 23 — другой вид этой крепости по неназванной ближе книге «Kleyne Tartarey» середины XVIII в.

[53] Evliyā Çelebi, *Seyāḥat-nāme*, c. VII, s. 521—526; Эвлия Челеби, *Книга путешествия*, стр. 204—209.

[54] Это изображение Гази-кермана связано с взятием и разорением его русскими войсками во время Азовского похода Петра I в 1696 г. Виньетка с видом Гази-кермана и Азова пояснена подписью: «Паде великий град Азов и Кизикермень» (см. «Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Отоманской Порты во владение Российской империи землям, 1774 г.»,—«Записки Одесского общества истории и древностей», т. VII, [Одесса, 1868], стр. 178, прим. 50).

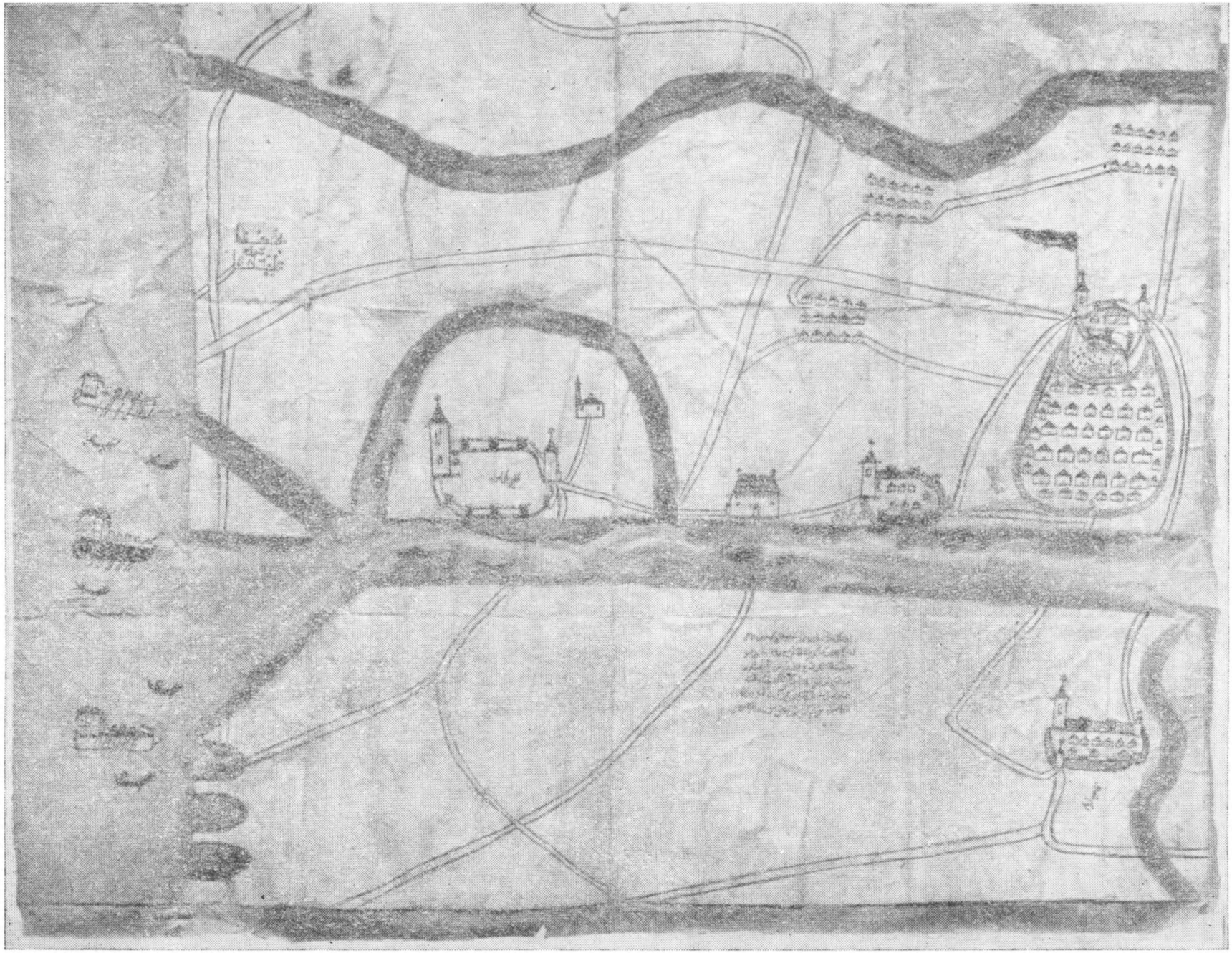
[55] J. Natanson Leski (*Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej*, cz. I. *Granica moskiewska w epoce Jagiellonów*, Lwów—Warszawa, 1922, str. 101) в списке земель и городов, уступленных Менгли-Гиреем I в 1507г. Речи Посполитой по упомянутому ярлыку («Акты Западной России», т. II, № 6), поставил при названии Ябу-городка вопросительный знак. На приложенной к этой книге карте восточной границы Речи Посполитой в эпоху Ягеллонов он, конечно, Ябу-городка отметить не мог.

[56] О турецких разведчиках в Каменце имеется известие в 1502 г. (см. Z. Abrahamowicz, *Katalog*..., [cz. I], № 13), а в 1568 г. была новая жалоба по такому же поводу со стороны Польши (там же, № 198): и в том и в другом случае заподозрены были купцы из Турции. Имеются известия о подобной «работе» турецких купцов в Речи Посполитой и во времена султана Сулеймана Великолепного.

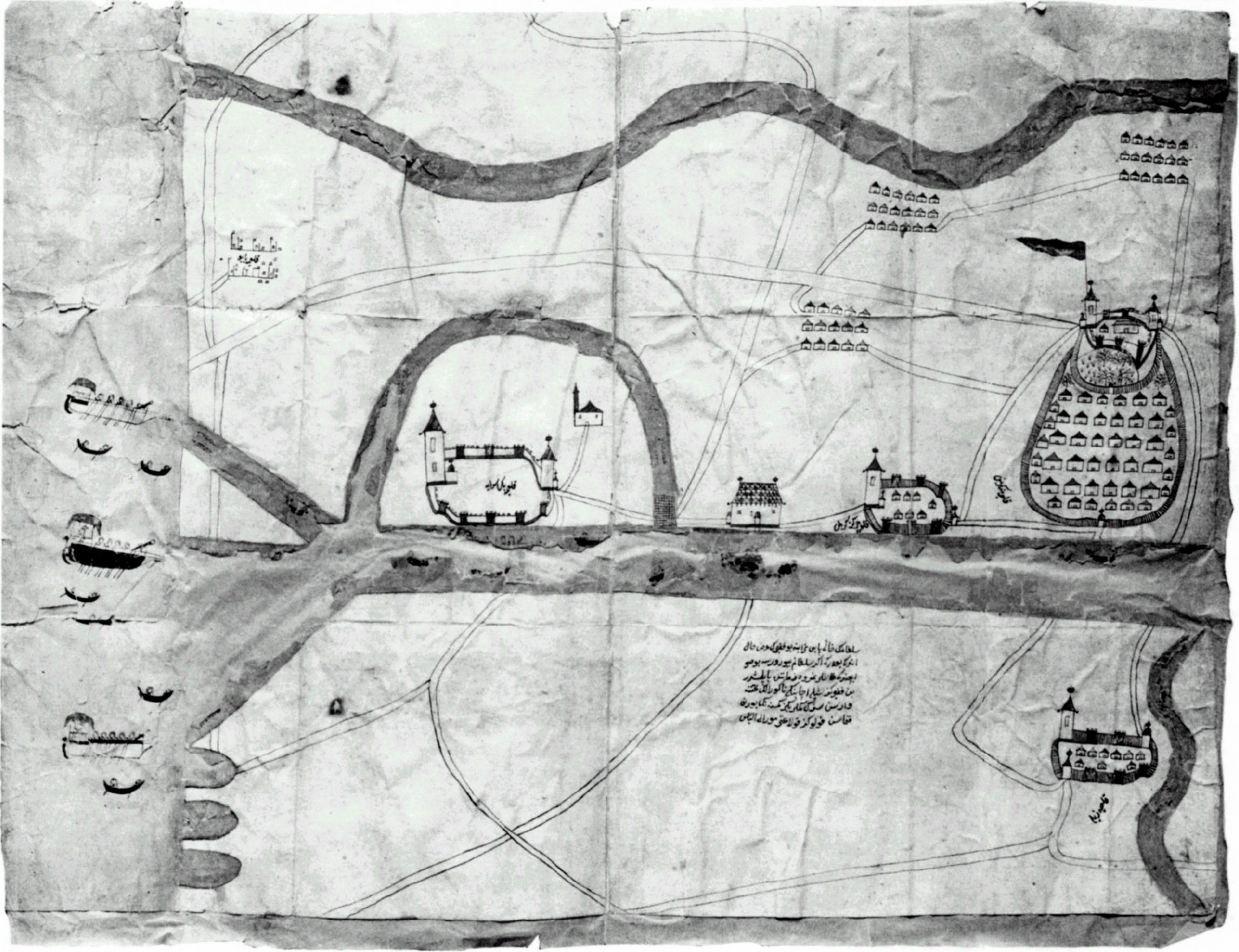
[57] Fr. Babinger, *Vier Bauvorschläge Leonardo da Vincis an Sultan Bajezid II. (1502/3)*, Göttingen, 1952. Ср. текст открытого во дворце Топкапы перевода письма Л. да Винчи султану, стр. 3, и факсимиле, таб. 1.

ДОПОЛНЕНИЕ

1. Доказывая, что данная карта не относится к Крыму или району Азова, я упустил из виду, что в Крыму все-таки имелся и *Черкес-кермен* — деревня со старинной башней в верховьях р. Кабарты (Бельбека), и *Ман-кермен* ~ *Ман-керман* — в последние времена, вопреки громкому названию, только «опустевшая деревня на левой стороне Восточного Булганака к с.-в. от Карасубазара» (П. Кеппен, *О древностях южного берега Крыма и гор Таврических*, СПб., 1887, стр. 249—261 и 352). Таким образом, стано-



Турецкая карта Украины



вится более понятным предположение стамбульских историков, что будто бы карта относится к Крымскому полуострову.

2. Что касается топонима *ябу,* то на основании данных, зафиксированных в словарях (Л. Будагов, *Сравнительный словарь турецко-татарских наречий,* т. II, СПб, 1871, стр. 319; В. В. Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий,* т. III, СПб., 1905, кол. 283—284; F. Steingass, *A comprehensive Persian-English dictionary,* London, s. a., p. 1524), топоним *ябу* может скорее всего значить 'укрытие' или 'кровля'. Ябу-городок был, вероятно, задуман его основателями именно как «укрытие», т. е. надежное убежище для ханских воинов среди далеких от Крыма, полных опасностей причерноморских «диких полей».

Стоит обратить внимание на то, что *Ябу* называется также деревня в Средней Азии (в районе Зеравшана), жители которой — тюрки, потомки знаменитого поэта-мистика Ахмеда Ясеви. (Ср. В А Гордлевский, *Ходжа Ахмед Ясеви,* — Избранные сочинения, т. III, М, 1962, стр 367.) Как толкуют это название в Средней Азии, — мне неизвестно.

3 Считаю своим приятным долгом поблагодарить г-на Хайруллаха Орса — директора музея дворца Топкапы — за любезную присылку отличной фотокопии карты, которая и была использована в данной работе. В письме от 14 февраля 1966 г. г-н Орс согласился со мною, что карта «не относится к Крыму, а является планом города и реки Озю» (т. е. Очакова и Днепра), и сообщил, что она хранится в архиве музея дворца Топкапы под № E 12090/1. C. Türkay (*Istanbul Kütuphanelerinde Osmanlılar devrine ait tückçe — arapça — farsça yazma ve basma coğrafya eserleri bibliografyası,* Istanbul, 1958), говоря о собраниях этого музея (стр. 54 и сл.), о данной карте не упоминает

Краков, 21 февраля 1969 г.

Z. ABRAHAMOWICZ

(Pologne, Cracovie)

UNE ANCIENNE CARTE TURQUE DE L'UKRAINE AVEC LE PLAN DE L'EXPLOSION DES RAPIDES DU DNIEPER ET DE L'ATTAQUE DE LA FLOTTE TURQUE CONTRE KIEV

Leo Bagrow, savant d'origine russe, historien distingué de la cartographie et fondateur de la revue „Imago Mundi", a découvert en 1954 à la bibliothèque du Topkapi Sarayi à Istamboul une carte turque laquelle lui a été représentée comme se rapportant à la Crimée. Le capitaine Harald Köhlin de Stockholm, qui a reçu de lui la photocopie de cette carte, a adressé la demande de lui éclaircir les inscriptions turques de la carte à l'orientaliste éminent d' Uppsala le professeur H. S. Nyberg, mais celui-ci, n'étant pas spécialiste en ce domaine, n'a pu lui donner qu'une traduction fragmentaire et incertaine. Dans son article „Some remarks on the maps of the Crimea and the Sea of Azov" („Imago Mundi", vol. XV [1960]) M. H. Köhlin a publié la reproduction de cette carte avec la souscription „MS. Turkish map of the Azov (?) region". Cette incertitude a été dictée évidemment parce que la grande forteresse dans l'embouchure de la rivière au centre de cette carte s'y trouve sur la rive droite de cette rivière, tandis que la forteresse de Azov a été située sur la rive gauche de Don.

Grâce à la superbe technique de la reproduction, toutes les inscriptions de cette carte sont bien lisibles. Dans les inscriptions contenant les noms des forteresses on trouve le mot *ḳalī'e,* qu'on ne doit considérer que comme la graphique erronée du mot arabe *ḳal'e* 'forteresse' construit à la mode d'iẓāfet persan avec le nom de la ville-forteresse respective (on le doit lire *ḳal'e-yi* 'la forteresse de...').

Dans l'inscription près de la petite forteresse au bord droit de la carte on doit lire le nom *Cerkez-kerman* (ou...*Çerkez*...). C'est la ville connue de Tcherkassy sur la rive droite du Dniéper. A droite (c'est-à-dire au nord) d'elle se trouve *Man-kerman,* c'est-à-dire Kiev. La forteresse située vis-à-vis Kiev ne peut être que Oster ou Ostrz, ville et forteresse de grande importance strategique sur un chemin de Kiev à Tchernigov et

Moscou, usitée entre autres par les ambassades et caravanes des commerçants turcs. (Le nom de cette dernière ville est difficile à éclaircir).

La grande forteresse dans l'embouchure du Dniéper c'est Otchakoff, connu sous le nom tatare *Can-kerman* 'la ville forteresse nouvelle' (*can* étant l'abrégement de *cangı* 'nouveau, nouvelle') ou sous le nom turc *Özi (Özü) ḳal'esi* formé de *Özi ~ Özü* 'Dniéper'. Sur cette carte Otchakoff est nommé *Yengi Sarāy* 'Le Sarāy nouveau'. On peut expliquer ce nom comme une traduction inexacte de *Can-kerman* ou comme une calque du nom tatare *Can-Sarāy,* lequel n'est pas testifié dans les autres sources historiques. Dans les deux cas le nom turc d'Otchakoff sur cette carte est un argument que la carte date d'un moment postérieur au fondement de la ville, quand les Turcs ne se sont pas encore habitués à son nom tatare, ni établi le nom *Özi (Özü) ḳal'esi.*

La grande rivière „au-dessus" (c'est-à-dire à l'Ouest) du Dniéper c'est le Dniéster. En mi-chemin entre les deux rivières on trouve la forteresse encore pas achevée de Yabu. Jusqu'à présent on n'a connu que le nom de cette forteresse (elle est nommée dans le Traité de la paix du khan Mengli Gherey I avec le roi de Pologne Sigismond Ier de 1507). Cette carte montre la situation de cette forteresse et permet de mettre fin à certains doutes relatifs à ce nom.

Le grand édifice sur la rive droite du Dniéper entre Otchakoff et Tcherkessy c'est assurément la forteresse polonaise sur le passage connu de Tawań. Entre le Dniéper et le Dniéster on voit encore les villes de Braclav (au centre), Lvov (derrière Kiev) et Kamenetz-Podolsk, lesquelles ne sont pas nommées. Toutes les villes sont unies parmi elles par des chemins nombreux; ces routes menent aussi en Turqie et en Crimée.

L'inscription dans la partie inférieure de la carte en découvre le sens et le but. L'auteur de la carte, un certain Ilyas de la Morée, qui se nomme *ḳulaġuz* 'le guide', ou plus exactement 'l'éclaireur militaire', propose ici au grand vizir le plan curieux de faire sauter les „pierres" (c'est-à-dire les rapides) du Dniéper pour frayer un passage sûr de la flotte de la guerre ottomane jusqu'à la capitale du roi, c'est-à-dire Kiev.

L'absence d'*Islām-kerman,* forteresse très importante sur la rive gauche du trajet de Tawań, fondée par le khan Mengli Gherey I. en 1504—1506, sur cette carte strategique, où est nommé même l'inachevé Yabu, constitue l'argument le plus fort, que la carte date d'après 1495 (l'année où la construction d'Otchakoff, déjà marqué sur la carte, a été terminée) et d'avant 1504—1506. Cette carte turque d'Ukraine, qui par la richesse de ses détails du premier ordre suprasse toutes les cartes anciennes européennes de ce pays même du XVIIe et XVIIIe siècles, jette une lumière nouvelle sur l'histoire de la cartographie turque, sur les problèmes nombreux de l'histoire de la Turquie, de la Pologne et d'Ukraine et de l'histoire des relations entre l'Empire Ottoman et la Pologne.

Cet article est dédié par l'auteur à ses amis turcs — les historiens d'Ankara et d'Istamboul et aux archivistes des deux archives d'Istamboul en signe de gratitude pour le bon accueil qui lui a été offert pendant son séjour en Turquie en 1959 et de ses projets pour une collaboration future.